

СИЛА ЛЮБВИ.

(Изъ былинъ войны).

(Продолженіе ¹⁾).

Ш.

Ж орунжій Катеньевъ испуганно открылъ глаза и съ минуту лежалъ не шевелясь, собираясь съ мыслями, стараясь уяснить себѣ гдѣ онъ находится. Надъ собою онъ видѣлъ каменный сводъ, съ одного бока возвышалась такая же стѣна, съ другого — небольшая площадка, тонувшая во мракѣ. Какой-то странный полусвѣтъ пробивался откуда-то сверху съ правой стороны и чуть чуть озарялъ каменные глыбы, тѣснившіяся со всѣхъ сторонъ. Катеньевъ попытался приподняться, но нестерпимая боль въ боку и ногѣ ниже колѣна заставила его поспѣшить принять прежнее положеніе. Только теперь онъ замѣтилъ, что лежитъ на чемъ-то мягкомъ. Онъ пошарилъ рукою и убѣдился, что подъ нимъ подложена большая охапка мягкой соломы, покрытой

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 5.

какими-то тряпками. Приходи все болѣе и болѣе въ себя, Катеньевъ убѣдился, что онъ раздѣтъ, безъ кителя, сапогъ и шароваръ, въ одномъ бѣльѣ, и на раненый бокъ и ногу ему наложены какія-то повязки; но изъ чего онъ и какъ сдѣланы онъ опредѣлить не могъ. Припоминая все случившееся, Катеньеву стало ясно, что чья-то заботливая рука подняла его съ того мѣста, гдѣ онъ упалъ, перенесла въ эту пещеру, раздѣла, уложила на наскоро приготовленное ложе и перевязала его раны... Но кто былъ этотъ сострадательный человекъ, Катеньевъ никакъ не могъ догадаться.

«Японцы?!» мелькнуло у него въ головѣ, и холодный ужасъ сжалъ его сердце. «Конечно, японцы, кому же другому». Стало быть онъ въ плѣну. Плѣна Катеньевъ боялся больше смерти. Еще ѣдучи по безконечному Сибирскому пути, въ вагонѣ, Катеньевъ рѣшилъ, если ему будетъ угрожать плѣнъ, пустить себѣ пулю въ лобъ... и вотъ онъ въ плѣну, оружіе у него отобрали и онъ лежитъ, безсильный, не будучи въ состояніи пошевелиться... Разстроенному воображенію его начали рисоваться картины одна унижительнѣй другой, одна другой печальнѣй. Къ страданіямъ физическимъ, которыя становились чувствительнѣе, по мѣрѣ того, какъ прояснялось его сознание, присоединились мученья нравственныя. Чувство тоски, безсильной злобы и горькой обиды на судьбу овладѣло душой Катеньева настолько сильно, что минутами онъ начиналъ задыхаться, какъ бы подъ навалившейся на него тяжестью... Ему хотѣлось, какъ нѣкогда въ дѣтствѣ, при большемъ огорченіи, кричать, плакать, рыдать... Онъ жалобно застоналъ... Что-то шевельнулось въ дальнемъ углу и какая-то темная безформенная масса наклонилась къ самому лицу Катеньева. Онъ напрягъ свое зрѣніе и въ неясномъ полумракѣ-полусвѣтѣ различилъ лицо дряхлой старухи-китаянки. Старуха что-то торопливо забормотала, чего Катеньевъ, не зная китайскаго языка, понять не могъ, да онъ и не вслушивался. У него снова начала кружиться голова, словно голубоватыя волны поплыли надъ его головой и самъ онъ поплылъ съ ними... Теряя сознание, онъ смутно ощутилъ около своихъ запекшихся губъ холодные края глинянаго сосуда, машинально глотнулъ что-то душистое, пріятно пряное, холодное и потерялъ сознание...

Снова очнулся Катеньевъ. На этотъ разъ онъ не чувствовалъ себя такимъ слабымъ, удрученнымъ. Въ пещерѣ стало свѣтлѣе; настолько свѣтло, что онъ легко могъ различить неровности каменной стѣны съ выдающимися уступами, широкую щель наверху, черезъ которую проникали голубовато-оранжевые лучи солнца, и вѣтви

густого, колючаго кустарника, заграждавша небольшое отверстие, входъ въ пещеру. Подлѣ входа онъ увидѣлъ двухъ китайцевъ: старика того самаго, въ фанзѣ котораго онъ ночевалъ, и молодого, почти мальчика. Они сидѣли на корточкахъ и старикъ полушепотомъ говорилъ что-то молодому, на что тотъ торопливо кивалъ головою. Старухи нѣ было... Впрочемъ Катеньевъ не былъ даже увѣренъ существовала ли она въ дѣйствительности, а не была плодомъ его болѣзненно настроеннаго воображенія. Вообще онъ съ трудомъ отличалъ дѣйствительность отъ мучившихъ его кошмарныхъ сновидѣній и не могъ уловить грани, гдѣ кончались вторыя и начиналась первая. Увидѣвъ старика-китайца, Катеньевъ сильно обрадовался. Его появленіе сразу убѣдило молодого офипера, что онъ не въ плѣну, а находится гдѣ-нибудь неподалеку отъ мѣста послѣдняго злополучнаго ночлега. Если бы его забрали японцы, они бы давно увезли его съ собой, какъ военный трофей. Тѣмъ временемъ китайцы, замѣтивъ его пробужденіе, приблизились къ нему и стали на колѣни около его изголовья. Ближе сталъ молодой и началъ что-то торопливо тараторить, разводя руками и дѣлая выразительныя гримасы. Только вслушавшись внимательнѣе, Катеньевъ уловилъ, наконецъ, нѣчто смутно напоминающее ему русскую рѣчь. Долго старался онъ вникнуть въ то, что говорилъ ему молодой китаецъ, и только послѣ долгихъ усилій началъ кое-что соображать. Китайченокъ объяснялъ ему, что латуза Фу-ин-фу—говоря это онъ тыкалъ старика въ грудь—поднялъ его раненаго и перетащилъ сюда, въ горы, неподалеку отъ его фанзы, гдѣ онъ и лежитъ уже болѣе четырехъ дней. «Ига ²⁾ солнце, два солнце, трія солнце», твердилъ китайченокъ, загибая пальцы на правой рукѣ; «поль солнце», добавлялъ онъ скороговоркой, проводя ладонью лѣвой руки поперекъ сложенныхъ пальцевъ правой и при этомъ для чего-то крутилъ головой. Далѣе китайченокъ объяснилъ Катеньеву, что казаки, бывшіе съ нимъ въ разѣздѣ, почти всѣ перебиты; ускакало не болѣе трехъ человекъ; человекъ пять легко раненыхъ японцы забрали съ собой, тяжело раненыхъ прикололи—«кантами» ³⁾, многозначительно поднималъ брови китайченокъ и дѣлалъ пояснительный жестъ руками, какъ будто собираясь кого-нибудь заколотъ. Катеньевъ слушалъ и сердце его сжималось отъ жалости къ погибшимъ и безсильной злобы къ коварнымъ и жестокимъ побѣдителямъ. Но самое худшее, что онъ узналъ отъ китайченка, это было извѣстіе объ

²⁾ Ига—одно, одинъ.

³⁾ Кантами—прирѣзать, казнить.

отступленіи русской арміи. Вся окрестность на десятки верстъ во всѣ стороны была въ рукахъ непріятеля. Японцы шныряли всюду; почти каждый день небольшіе отряды ихъ и отдѣльныя команды заходили въ фанзу на отдыхъ и въ настоящую минуту въ какихъ-нибудь четырехъ «ли» ⁴⁾ отсюда стоялъ большой японскій лагерь. Катеньеву стало ясно, что онъ вполне отрѣзанъ отъ своихъ, почти безъ всякой надежды на какую-либо возможность вырваться отсюда... Плѣнъ, отъ котораго онъ думалъ, что избавился, грозилъ каждую минуту. Не сегодня-завтра, а несчастья этого ему не миновать. Вдругъ его осѣнила мысль послать записку. Хоть вѣсточку послать о себѣ—все какъ будто легче будетъ на душѣ. Но на чемъ писать? Кабы была при немъ его полевая сумка съ записною книжкой и карандашами, но ни сумки, ни другихъ своихъ вещей Катеньевъ не видѣлъ. «Можетъ быть старикъ-китаецъ спряталъ?» подумалъ онъ и поспѣшилъ объяснить китайченку, что ему надо. Тотъ не сразу понялъ, но, понявъ, перевелъ латузѣ. Старикъ внимательно выслушалъ просьбу Катеньева, кивнулъ головой и направился въ уголь; тамъ, порывшись въ солому, онъ вытащилъ залитый кровью китель, шаровары, шашку, револьверъ, бинокль и полевую сумку. Забравъ въ охапку всѣ эти вещи, онъ бережно сложилъ ихъ около самой головы Катеньева.

«Славный старикъ, честный!» подумалъ про себя Катеньевъ, торопливо растегивая сумку: тамъ въ одномъ изъ отдѣленій у него лежали завернутые въ бумажку три золотыхъ пятирублевика; хотя въ Манчжуріи было запрещено пускать въ оборотъ русское золото, но многіе изъ офицеровъ держали у себя по нѣскольку монетъ на случай большой крайности. Говорили, будто китайцы очень жадны до золота, за такую монету, много двѣ, готовы исполнить чего только отъ нихъ пожелаешь; дѣйствительно, были случаи, когда во-время данный золотой спасалъ офицера-развѣдчика отъ опасности попасть въ руки японцевъ. Отдѣливъ двѣ монеты, Катеньевъ передалъ ихъ старику китайцу.—Скажи ему, обратился онъ къ переводчику, что если онъ доставить отъ меня записку въ Ляоянь по адресу на конвертъ, онъ получитъ отъ того лица, которому конвертъ адресованъ, еще три такихъ монеты!

Китаецъ внимательно выслушалъ слова переводчика, въ то же время задумчиво разглядывая лежащія на его ладони монеты. Минуту-двѣ онъ какъ бы колебался, но потомъ, видимо рѣшившись

4) Ли—верста.

на что-то, торопливо залопоталъ, размахивая руками и тряся головой. Катеньевъ горѣлъ нетерпѣніемъ узнать его отвѣтъ.

— Ну, что, ну какъ? понукалъ онъ въ волненіи переводчика. Тотъ съ трудомъ, сбиваясь и путаясь въ мало знакомыхъ ему словахъ, перевелъ, что старикъ согласенъ; пусть офицеръ пишетъ, онъ беретъ доставить записку въ Ляоянь. У него тамъ есть знакомый китаецъ, говорящій по русски; онъ ему поможетъ.

— Ну вотъ и отлично, обрадовался Катеньевъ.

Удача придала ему силы. На время онъ забылъ боль и, поддерживаемый китайцами, съ лихорадочной поспѣшностью началъ набрасывать карандашемъ на листкахъ полевой книжки неразборчивыя, кривыя строчки.. Рука его дрожала, карандашъ прыгаль по бумагѣ, буквы кривились и сливались, но онъ вѣрилъ, что тотъ, кому онъ пишетъ, сумѣетъ прочесть его каракульки. Чего не разберутъ глаза, то подскажетъ любящее сердце.

IV.

Вторую ночь идѣтъ Надежда Ивановна, по глухимъ горнымъ тропинкамъ, въ сопровожденіи Фу-ин-фу. Днемъ они, какъ звѣри, прячутся въ лѣсныхъ оврагахъ, глухихъ горныхъ трупобахъ, заросшихъ кустарниками, и, только когда взойдетъ луна, осторожно выходятъ изъ своихъ уѣжищъ и какъ тѣни крадутся, избѣгая встрѣчи съ кѣмъ бы то ни было. Съ первыхъ шаговъ, какъ они, миновавъ русское сторожевое охраненіе, вступили на занятую непріателемъ территорію, Надежда Ивановна уѣдилась, что Фу-ин-фу одинаково боится встрѣчь, какъ съ японцами, такъ и со своими соплеменниками китайцами. Послѣднихъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ первыхъ. Старъ Фу-ин-фу, но Надежда Ивановна не можетъ не подивиться на его неутомимость, зоркость его старческихъ глазъ и чуткость его уха. Нѣсколько разъ, когда она, напрягая весь свой слухъ, не могла уловить ни малѣйшаго звука, Фу-ин-фу разомъ останавливался, мгновенья два прислушивался и, какъ спугнутая лисица, проворно бросался въ сторону, давая ей знакъ слѣдовать за собой. И ни разу уши не обманывали его. Не успѣвали они забиться гдѣнибудь, между глыбами нагроможденныхъ камней, какъ вдали показывались или конный китаецъ-хунхузъ, или японскіе солдаты. Мирные жители имъ почти не встрѣчались. Японцы въ этомъ случаѣ держались другого правила, чѣмъ русскіе.

Въ то время, какъ на территоріи, занятой русскими войсками, по всѣмъ дорогамъ и тропамъ взадъ и впередъ сновали десятки и сотни мирныхъ китайскихъ жителей, пѣшкомъ, на арбахъ, въ фудутункахъ ⁵⁾ и верхомъ, съ женами и съ дѣтьми, со стариками и со всякимъ домашнимъ скарбомъ, смѣшиваясь даже нерѣдко съ передвигающимися русскими полками, — японцы строго на строго запрещали жителямъ покидать свои селенія и слоняться по дорогамъ, въ виду ихъ войскъ. Разрѣшеніе давалось только отдѣльнымъ лицамъ въ уваженіе какой-нибудь особой крайности, причемъ такія лица снабжались засвидѣтельствованными со всею строгою формальностью ярлычками. Всѣ же бродившіе безъ свидѣтельствъ арестовывались и при малѣйшемъ подозрѣніи обезглавливались. Оттого то японская армія была избавлена отъ выслѣживаній шпионовъ, тогда какъ вокругъ нашей была тьма, въ лицѣ разныхъ разносчиковъ, фокусниковъ, актеровъ, обезьянчиковъ, поводырей медвѣдей, нищихъ и т. д. и т. д. безъ конца.

Если бы кто изъ подругъ Надежды Ивановны взглянулъ на нее теперь, бредущую въ сопровожденіи китайца по глухимъ тропамъ негостепримной Манчжуріи, ни одна изъ нихъ не признала бы ее въ этой грязной манчжуркѣ, съ безобразно-нелѣпой высокою прической, съ лицомъ шафраннаго цвѣта, съ наведенными на немъ красной краской кружками, одѣтую въ порванную синюю курму китайскихъ крестьянокъ. Надо отдать справедливость — заgrimироваться ей удалось въ совершенствѣ. Она предпочла одѣться крестьянкой манчжуркой, такъ какъ тѣ не уродуютъ ногъ, какъ китайки, чего конечно нельзя было бы никакъ поддѣлать.

V.

Длинная, большая комната китайской богатой фанзы, временно обращенной въ госпитальную палату. По одной стѣнѣ деревянныя нары, на которыхъ, тѣсно скучившись, лежатъ раненые. Въ крайнемъ углу у окна небольшой столикъ, покрытый бѣлой салфеткой и заставленный пузырьками и склянками съ жидкостями всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. У стола, на простой деревянной табуреткѣ, облокотясь на руку, въ задумчивой позѣ сидѣла молоденькая сестра милосердія. Изящное, худощавое личико было блѣдно, а большіе темные глаза красны отъ слезъ. Въ рукахъ «сестра» держала фотографическую карточку молодого офицера въ казачьемъ чекменѣ и кос-

⁵⁾ Фудутунка — двухколесный крытый экипажъ.

матой папахѣ. Крупныя слезы, наполняя глаза, медленно скатывались по щекамъ молодой дѣвушки, но она ихъ не замѣчала, углубленная въ созерцаніе портрета... Вдругъ гдѣ-то близко раздался протяжный вздохъ, закончившійся легкимъ стономъ. «Сестра» машинально сунула портретъ въ карманъ, проворно вскочила на ноги и, окинувъ палату вопрошающимъ взглядомъ, какъ бы ища глазами того, кто стоналъ, легкими торопливыми шагами подошла къ крайнимъ нарамъ, откуда глядѣли на нее черные воспаленные глаза на шафранномъ, скуластомъ лицѣ казака-бурята.

Этотъ казакъ пользовался особымъ вниманіемъ сестры. Его принесли дней пять тому назадъ и отъ него отъ перваго она узнала о гибели того, кто ей былъ дороже всего на свѣтѣ... Страшную минуту пережила она... Даже странно, какъ она могла ее пережить... Первые минуты и часы, послѣ того, какъ ей сообщили о смерти ея жениха, она была внѣ себя, кричала и металась по палатѣ, требуя яда, призывая смерть... Теперь она нѣсколько успокоилась. Нестерпимое горе какъ бы отуманило ее; она овладѣла собою настолько, чтобы имѣть мужество выслушать подробный рассказъ казака-очевидца... Она даже имѣла силы распрашивать его. Нѣсколько разъ повторилъ онъ ей все, что зналъ, но всякій разъ ея любящее ухо улавливало новыя подробности, ничтожныя сами по себѣ, но важныя для ея страдающаго сердца. Вотъ и теперь, подавъ казаку напитокъ и поправивъ ему подушки подъ головой, она машинально опустила подлѣ него и тихо спросила:

— Ну какъ ты себя чувствуешь, Абадуевъ?

— Да што, таперича многа легче, сестрица, скаля бѣлые зубы, почти весело отвѣчалъ казакъ.—Теперь должно скоро на поправку пойдетъ. Я, признаться надо, думалъ конецъ мнѣ будетъ и не чаялъ, что такъ скоро полегчаетъ.

— У тебя рана не опасная, хоть и тяжелая, успокоила раненаго сестрица.—Плохо тебѣ было первые дни отъ большой потери крови, а теперь ты скоро начнешь поправляться... И помолчавъ немного, она вдругъ совершенно другимъ тономъ, понизивъ голосъ до шопота, спросила:

— Такъ ты навѣрно знаешь, хорунжій вашъ убить, а не попалъ въ плѣнъ?

— Какъ же мнѣ не знать? оживился казакъ.—Вмѣстѣ вѣдь были. Какъ это японцы подошли къ намъ, да зачали въ насъ залпывать, мы живой рукой на коней, шашки вонъ, да на нихъ... Ну, однако, шашка противъ ружей—плохая оборона; принялись они насъ лу-

щить, изъ всей команды только насъ четверо: я, Кончевъ, Самсоновъ и Муходѣевъ и ушли, да и тѣ всѣ подраненные. Муходѣевъ съ версту проскакалъ, не больше того, и померъ, мертвый съ сѣдла свалился, а мы вотъ трое добѣгли...

— А хорунжій? еще тише спросила сестра.

— Хорунжій по началу тоже былъ съ нами, но какъ они впереди были и хотѣли японцевъ рубить, то японецъ особливо по нимъ стрѣлять зачали, а апосля того два японца штыками въ бокъ, такъ съ обѣихъ сторонъ и приперли.

— Какъ штыками? стремительно перебила казака молодая дѣвушка: ты этого прежде не рассказывалъ. Ты говорилъ, будто его убили, когда онъ на лошадь сядилъ, а теперь говоришь, на штыки подняли? Какъ же это такъ?

— И охота вамъ, сестрица, время терять, разговаривать съ нимъ, вмѣшался лежавшій рядомъ съ казакомъ, пожилой стрѣлокъ, съ повязкой на лбу. — Не видите развѣ въ глазахъ завирается парень, ничего онъ не видѣлъ и не знаетъ. Меня тамъ не было, а хотите я вамъ расскажу все, какъ у нихъ тамъ произошло? Перво на перво всѣ они спали безъ заднихъ ногъ и тѣ, что часовыми были выставлены, и тѣ спали...

— Откуда ты это знаешь? сердито огрызнулся казакъ.

— Да ужъ знаю, снова повторилъ стрѣлокъ. — Я съ вами, казаками, не однова разъ бывалъ въ сторожевомъ охраненіи, посмотрѣлся, какъ вы спать горазды; сколько васъ японцы сонныхъ попрірѣзали должно и счетъ потерянь, потому, безпечны вы очень... Такъ вотъ, такъ-тось, спали они и не слыхали, какъ японцы подобрались, а тѣ на такія дѣла мастера, да и не безъ того, чтобы ихъ китайцы навели... Это ужъ можно такъ сказать навѣрняка; ну вотъ какъ зачалъ японецъ по соннымъ стрѣлять, да колотъ ихъ, они повскакали, какъ очумѣлые, кто поспѣлъ на коня вскочить, кто нѣтъ... Гдѣ имъ тамъ было разглядывать, что и какъ; которые уцѣлѣли, какъ вотъ онъ, къ примѣру, тѣ лушили что было конскихъ силъ... Онъ чай и товарищей, которые съ нимъ удирали, только тогда призналъ, какъ къ своимъ доскакалъ, а то рассказываетъ и то и се, вретъ, однова слова вретъ, а вы его слушаете.

— А то тебя скажешь слушать? совсѣмъ осwirѣпѣлъ казакъ. — Эхъ, кабы не рана моя, я бы тя намялъ боки, штобъ ты насъ казаконъ не лаялъ.... Нѣшто мы бывали когда трусами? Гдѣ ты трусовъ казаконъ видѣлъ? Ну говори, варнацкая душа!

— Да я васъ трусами и не обзываю. Зачѣмъ трусы? Не трусы

вы, а безпечны уже очень, вотъ дѣло то въ чемъ; это про васъ всякій скажетъ.... А насчетъ удиранія, такъ это я тоже тебѣ не въ осужденіе; хоть кому доведись въ такую кашу попасть, всякій о спасеніи живота своего промышлять станетъ.... Я къ тому говорю, для чего врать.... Видишь, сестрица по женишкѣ своемъ убивается, а ты брешешь невѣдомъ што.... Скажи лучше по совѣсти, такъ мошь и такъ, не видѣль ничего, съ просонья, да съ перепуга зѣньки потеряль... вотъ это будетъ точно. А къ чему языкомъ зря болтать.... Ну скажи, по совѣсти, повтори, доподлинно видѣль ты, что ихъ благородіе японцы на штыки подняли?

Казакъ искоса посмотрѣль на сестру и увидѣль устремленные на него съ тоскливой мольбой глаза. Ему стало не по себѣ. Онъ потупился и нехотя произнесъ:

— Оно можетъ и дѣйствительно померещилось.... Въдь ночь еще была... можетъ и впрямь не его благородіе, а Муходѣва японцы на штыки взяли.... Кого-то штыками подперли, это я дивствительно видѣль, а кого—Муходѣва-ли, али хорунжаго—доподлинно сказать не берусь.

— Но въдь ты же говорилъ, Муходѣвъ съ вами еще съ версту скакаль, пока свалился? стремительно перебила казака сестра.

— И то вѣрно. Стало быть не Муходѣва, а должно еще кого другого. Не разобралъ ночью-то.

— Эхъ, сестрица, да плюньте вы на его розказни, горячо перебилъ стрѣлокъ.—Охота вамъ себя надрывать! Вы лучше меня послушайте, что я вамъ скажу: вотъ чуешь мое сердце, живъ вашъ женишокъ, право живъ.... Для-ча японцу убивать его? Имъ лестно захватить офицера живьемъ.... Когда ихъ много, они стараются офицеровъ не бить, а забирать, чтобы, стало быть, больше у нихъ русскаго народа было, когда смѣна выйдетъ нашихъ плѣнныхъ на ихнихъ... я уже знаю.... Вотъ помяните мое слово: въ плѣну вашъ женишокъ и ничего ему худого не сдѣлають....

— Ахъ, если бы это было такъ! въ отчаяніи воскликнула молодая дѣвушка.—Господи, хоть бы узнать, узнать что-нибудь.... Правду настоящую узнать!... Она тихо заплакала и отошла къ столу....

— Ишь, дьяволь, сердито прошипѣль стрѣлокъ, устремляя на казака-сосѣда сердитый взглядъ изъ подъ сѣхавшей на глаза повязки, разстроилъ «сестрицу»....

— Да я что-жъ, я ничего, я говорю, что знаю... Спрашиваетъ, ну я и отвѣчаю... Долженъ я отвѣтить аль нѣтъ? Какъ по твоему? оправдывался казакъ.

— Отвѣтить долженъ, а врать не для чего, вотъ въ чемъ дѣло-то. Врать, говорю, незачѣмъ....

Дверь тихо отворилась и въ нее просунулась голова пожилого рыжебородаго доктора.

— Надежда Ивановна, поманилъ онъ сестрицу, идите-ка скорѣе, интересная новость есть.

— Что такое, въ чемъ дѣло? взволнованнымъ шопотомъ спрашивала «сестрица», выбѣгая за докторомъ.— Неужели есть какія-нибудь свѣдѣнія о Катеньевѣ?

— А вотъ идите скорѣе, сами узнаете.

Но Надежду Ивановну не надо было торопить. Не помня себя, она бѣгомъ выбѣжала на небольшой дворикъ и очутилась передъ небольшою кучкой офицеровъ и докторовъ, окружившихъ стараго китайца. Кто-то сунулъ Надеждѣ Ивановнѣ скомканную записку. Съ лихорадочной поспѣшностью развернула она ее, горящимъ взглядомъ впилась въ неразборчиво начарапанныя строчки. Она узнала «его» почеркъ, и сердце ея усиленно билось. Она плохо соображала что читаетъ; она знала только— «онъ» живъ—и это сознаніе наполнило ея душу буйной радостью. Мгновеньемъ ей казалось, что все это сонъ, бредъ разстроеннаго воображенія. Въ своемъ волненіи она должна была нѣсколько разъ прочесть записку и только тогда поняла, наконецъ, что женихъ ея, тяжело раненый, лежитъ въ горахъ, на попеченіи китайцевъ.

«Подробности расскажетъ китаецъ». Этой фразой кончалась записка.

— Господа, бросилась Надежда Ивановна къ докторамъ, ради Бога переводчика... Боря... Борисъ Владиміровичъ... хорунжий Катеньевъ, путалась она, краснѣя, живъ... раненъ... у китайцевъ, въ горахъ... Ради Бога... переводчика... надо спросить его подробно....

— Пойдите, кто у насъ здѣсь знаетъ по-китайски? оглядывая присутствующихъ близорукими глазами и самъ сильно волнуясь, спрашивалъ рыжебородый докторъ.— Неужели нѣтъ никого знающихъ?

— Позвольте доложить, вмѣшался сухощавый фельдшеръ, въ бѣломъ передникѣ, дѣлавшемъ его похожимъ на повара; тутъ есть одинъ пограничникъ, здорово по ихнему знаетъ; онъ, хоть раненый, да не шибко, можетъ придти.... Дозвольте позвать.

— Зови, зови скорѣй! засуетился докторъ.— Ну вотъ сейчасъ все и узнаемъ, обратился онъ къ Надеждѣ Ивановнѣ.— А вы, се-

стрица, очень-то не волнуйтесь... Богъ дастъ все по хорошему кончится.

Черезъ минуту фельдшеръ вернулся; за нимъ ковылялъ невысокаго роста черноватый солдатикъ пограничной стражи; рука его была на перевязи и вся голова забинтована, но, несмотря на это, онъ держалъ себя бодро и бойко поглядывалъ на всѣхъ черными выразительными глазами. По китайски солдатикъ оказался дѣйствительно мастеромъ говорить. Онъ подробно распросилъ Фу-ин-фу и началъ обстоятельно переводить слова старика.

Долго шелъ допросъ старика китайца. Взволновавшаяся Надежда Ивановна никакъ не могла насытить своего любопытства и задавала все новые и новые вопросы, на которые Фу-ин-фу терпѣливо отвѣчалъ, какъ умѣлъ; только на одинъ вопросъ не могъ онъ отвѣтить, хотя этотъ вопросъ былъ для Надежды Ивановны самымъ главнымъ. Фу-ин-фу не могъ объяснить русской бабушкѣ ⁶⁾, насколько серьезны раны Катеньева; старикъ даже плохо опредѣлялъ мѣсто, куда именно раненъ офицеръ, сквозныя ли у него раны или пули остались въ тѣлѣ.

Надежда Ивановна страшно волновалась, не имѣя возможности выяснитъ этихъ столь важныхъ подробностей, отъ которыхъ зависѣло все, и доктору съ трудомъ удалось хоть немного успокоить ее. Наконецъ, измученнаго тяжелой дорогой и распросами Фу-ин-фу отпустили на кухню, гдѣ по приказанію доктора ему дали остатки супа и мяса. Старикъ былъ сильно голодець и съ жадностью набросился на ѣду. Онъ ѣлъ, захлебываясь отъ торопливости, чавкая, облизываясь, строя уморительныя гримасы и, въ тоже время, испуганно косясь на приближавшіяся солдатъ, какъ бы опасаясь, что вотъ-вотъ кто-нибудь вырветъ у него изъ подъ носа миску съ вкуснымъ жирнымъ хлебомомъ.

Тѣмъ временемъ въ небольшой пристроечкѣ, гдѣ на канахъ помѣщались сестры госпиталя, шелъ оживленный споръ между рыжебородымъ докторомъ и сестрицей, Надеждой Ивановной Волгиной. Докторъ былъ сильно взволнованъ и, какъ тигръ въ клѣткѣ, метался по узкому пространству между стѣной и канами, то и дѣло хватая себя за голову, ероша свои огненные волосы и горячо жестикулируя.

— Но вѣдь это безуміе, поймите безуміе! пронзительно вскрикивалъ онъ плачущимъ голосомъ. — Это прямо невозможно.... Вы не отдаете себѣ отчета въ томъ, что вы хотите сдѣлать.... Вѣдь до этой

⁶⁾ Бабушка—женщина.

пещеры, про которую говорить китаецъ и гдѣ лежитъ теперь Ка-
теньевъ, болѣе 50 верстъ. Понимаете: пятидесяти верстъ!!!! Къ
тому же вся страна занята японцами, повсюду ихъ сторожевыя
охраненія, патрули, развѣзды. Вы и пяти верстъ не пройдете, какъ
васъ схватятъ.... Вы, можете быть, воображаете себѣ, что японцы
очень посмотрятъ на вашъ красный крестъ? Держите карманъ
шире! Хорошо если на ваше счастье подвернется ихъ офицеръ (хотя
я и офицерамъ ихнимъ тоже мало вѣрю), а если вы попадетесь солда-
тамъ, да они съ вами то сдѣлають, о чемъ и подумать-то странно...
И никакой крестъ не спасетъ васъ отъ ихъ насилій, увѣряю васъ....

— Да откуда вы взяли, Петръ Петровичъ, что я пойду въ
одеждѣ «сестры»? Такъ мнѣ разумѣется не пройти.

— А какъ же вы пройдете?

— Я наряжусь китайянкой... будто дочь Фу-ин-фу и съ нимъ и
пойду....

— К-и-т-а-я-н-к-о-й?!!! протянулъ въ изумленіи докторъ. — Отцы-
родители, этого еще не доставало... Да тогда вы совсѣмъ пропали...
Васъ, какъ шпионку, просто на просто повѣсятъ, а раньше... Ахъ,
да что и говорить: вы просто съ ума сошли, временный психозъ....

— Психозъ тамъ или не психозъ, уже съ легкимъ нетерпѣ-
ніемъ въ голосъ перебила доктора Надежда Ивановна, но я рѣшила
идти и пойду.... Чтобы меня тамъ ни ожидало.... Поймите же, док-
торъ, я не могу иначе поступить.... Тотъ, кто мнѣ дороже жизни,
лежитъ теперь одинокій въ пещерѣ, на попеченіи глупой китайянки;
у него можетъ быть раны гниють, перевязки надо дѣлать, а развѣ
старуха это сумѣетъ.... Наконецъ, подумайте объ его душевномъ на-
строеніи.... На одно мгновеніе вообразите себя въ его положеніи,
вообразите что онъ испытываетъ... Можетъ быть раны его и пу-
стяшныя и, при разумномъ уходѣ, онъ быстро поправится, а
тогда....

С. Пютчевъ..

(Продолженіе слѣдуетъ).

